

Макогон Д. И.
аспирантка, Севастопольский
национальный технический университет
(Украина, Севастополь), dariakost@yandex.ua

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается проблема эволюции внешней политики ФРГ в постбиполярном мире. Основная цель публикации исследовать комплексные изменения, коснувшиеся основных векторов внешней политики Германии после ее объединения. В ходе написания данной работы автором были использованы следующие методы: компаративный для выявления основных изменений, произошедших во внешнеполитическом курсе страны по сравнению с периодом Боннской республики, метод системного анализа для определения роли объединенной Германии в формировании архитектуры постбиполярного мира, исторический, позволивший проследить эволюцию внешней политики в 90-е и в начале 2000-х гг., а также геополитический подход, показавший трансформацию немецкой доктрины "Миттель Европа" в современном периоде. Проанализировав основные изменения внешней политики ФРГ, автор пришел к выводам, что объединенная Германия стала принципиально новым актором на международной арене, появление которого изменило баланс сил, как в Европе, так и за ее пределами. Преодолев комплекс вины, немцы оцугли свою новую роль в системе международных отношений в качестве гаранта безопасности и стабильности в Европе.

Ключевые слова: постбиполярная система, внешнеполитическая доктрина, Холодная война, Боннская республика, Берлинская республика, баланс сил, национальные интересы, сферы влияния.

(статья друкується мовою оригіналу)

Окончание холодной войны ознаменовало собой рождение новой системы международных отношений с принципиально иными правилами игры и ролями основных акторов. Другим измерением постбиполярной системы международных отношений стало появление принципиально новых игроков и трансформация старых. К таким новым акторам можно отнести объединенную Германию.

Автор данной статьи определяет своей задачей исследовать комплексные изменения, коснувшиеся ключевых векторов внешней политики ФРГ, а также проанализировать те общие трансформационные процессы, которые происходили с ней в реалиях новой системы международных отношений.

Возможность реставрации Германии на политической карте мира в качестве единой страны вызвало серьезные опасения со стороны ближайших союзников ФРГ в Европе – Франции и Великобритании. Для политических элит последних объединенная Германия в силу своего экономического и ресурсного потенциала могла представлять угрозу в качестве возможного европейского гегемона. Общественное мнение в этих странах искусственно накаляли страхом призрака “четвертого рейха” [9, с. 3]. В такой ситуации немецкие лидеры, осуществляя свой внешнеполитический курс, реализовывали тезис, озвученный еще Томасом Манном, о том, что их цель вовсе не “германская Европа, а европейская Германия” [8, с. 123]. Для немцев европейская интеграция стала возможностью реализовывать свои внешнеполитические амбиции под предлогом не национальных интересов, а общеевропейского блага. По мнению З. Бжезинского, “в своей горячей приверженности единой Европе Германия видит историческое очищение, возрождение морального и политического доверия к себе. Если немцы будут стремиться к осуществлению национальных интересов Германии, они рискуют отдалиться от остальных европейцев; если немцы будут добиваться осуществления общеевропейских интересов,

они заслужат поддержку и уважение Европы” [1, с. 217].

Объявив себя наследницей внешнеполитического курса “Боннской республики” ФРГ, по сути, к концу 90-х годов полностью трансформировало ее доктринальные положения, что позволило ряду аналитиков, как в самой Германии, так и за ее пределами говорить о феномене Берлинской республики [3, с. 68]. В данном случае политика министерства иностранных дел объединенной Германии противопоставляется политике своей предшественницы периода блокового противостояния Боннской республики. Правда, использование этих терминов иногда критикуется в связи с боязнью возникновения противостояния Берлина и Бона в сфере преемственности идеалов мира и демократии. Как отмечает российский аналитик С. Погорельская “даже эти апологеты “механического” расширения старой ФРГ на Восток не могут отрицать тех качественных изменений во внутренней и внешней политике, которые явились следствием объединения двух немецких государств” [5, с. 98]. Сам термин впервые использовал в своем правительственном заявлении Г. Шредер, чтобы обозначить новую эпоху в соотношении политических сил. Немецкий политолог К. Зонтхаймер считает, что главное отличие Берлинской республики от Боннской состоит в масштабе тех задач, которые необходимо решать в условиях нового места и роли объединенной Германии в современной системе международных отношений [4, с. 337].

Денационализация, коснувшаяся всех сфер общественно-политической жизни послевоенной Германии, привела к определенной ущербности ее внешней политики. Так из доктринальных положений последней были исключены понятия “национальных интересов” и сфер влияния. Основным базисом, которым руководствовались политические элиты Боннской республики была политика Искупления. Следует добавить, что к “трехам” третьего рейха добавилось удручающее наследие еще одной диктатуры – правление СЕПГ в ГДР. Последние породило в обществе дискуссию о “нормальности” немецкой нации. Как метко подметил Й. Фишер, если нация дискутирует о своей нормальности, значит, она не нормальна [8, с. 176]. Преодоление немцами комплекса вины вылилось в необходимость пересмотра внешнеполитической доктрины. В результате вновь были сформированы и переосмыслены “национальные интересы”, а также главной задачей внешней политики провозглашалась “возросшая ответственность” Германии за поддержание стабильности в мире, и в первую очередь в Европе. Осознав себя ключевым игроком ЕС и полноценным членом ООН и НАТО, Германия стремится, оставив в прошлом наследие германского империализма, занять подобающее ей место на международной арене. В одном из программных заявлений Г. Шредер заявил: “Германия является “нормальным государством”, которое не стремится к превращению, но и не считает нужным кому-либо подчиняться” [4, с. 217].

В первой половине 90-х годов правительство Х. Коля постепенно расширяло присутствие Германии в разрешении крупных международных кризисов. Так во время войны в Персидском заливе ФРГ не участвовала непосредственно в военной операции, но выделила

17 млрд. марок, а это треть военного бюджета, на финансовое, медицинское и военное содействие операции. В 1991–1992 гг. германские медики входили в состав гуманитарной миссии ООН в Камбодже. В 1993–1994 гг. бундесвер участвовал в военной операции под эгидой ООН в Сомали. На протяжении 90-х гг. Германия прямо или опосредованно участвовала в 24 миссиях ООН [4, с. 118–125]. Поворотным моментом всей немецкой внешней политики стал Косовский кризис. Принципиальной трансформации подвергся ключевой принцип – нога немецкого солдата не должна ступать по земле, пострадавшей от гитлеровской агрессии. Моральность, как и в рамках доктрины Искупления, продолжала оставаться краеугольным камнем внешней политики ФРГ, однако, если в начале 90-х во время первого Югославского кризиса и войны в Персидском заливе моральностью объясняли невозможность использования сил бундесвера за пределами Германии, в период Косовского кризиса та же моральность стала прикрытием для участия немецкой авиации в бомбардировках Сербии. Немецкое общество стало заложником средств массовой информации, которые создали кровавый образ новых “сербских фашистов”, убивающих косоваров. Феноменальным стал тот факт, что подобная революционная трансформация внешней политики ФРГ произошла в период правления “красно-зеленой” коалиции – СДПГ и “Союз 90/Зеленые”. Отход левых политиков от своей традиционной пацифистской риторики нашел свое отражение в программном документе СДПГ “Социал-демократическая внешняя политика на пороге ХХI века” [5, с. 93]. Данный документ стал следствием напряженной внутрипартийной дискуссии, которая проходила в 1995–1996 гг., и, так или иначе, касалась немецкого участия в разрешении Балканских кризисов. На съезде в Мангейме в ноябре 1995 года левому крылу СДПГ удалось отстоять свою пацифистскую позицию в данном вопросе, тем не менее, в декабре 1996 г. фракция СДПГ в парламенте голосует за направление бундесвера в Боснию.

Интересно, что еще в 94-м году Х. Коль предпринял попытку легализации использования национального миротворческого контингента за пределами страны. Социал-демократы подали иск в конституционный суд страны по поводу несоответствия такого решения основному закону страны. Тогда Х. Коль удалось добиться решения, согласно которому был создан миротворческий контингент быстрого реагирования в составе 54 тысяч человек, который мог быть использован в рамках миротворческой операции НАТО или ЕС, но только при условии мандата ООН [8, с. 338]. Настроения немецкого общества в конце 90-х годов изменились – немцы считали, что искупили вину за преступления нацистского режима и должны занять на международной арене место, соответствующее их экономической мощи как стране-локомотиву ЕС. Г. Шредер и его команда прекрасно осознавали это, идя на выборы 1998 года. Во многом победа левоцентристов объяснялась гибкостью их внешнеполитических установок. Тем не менее, решение об участии бундесвера в миротворческой операции на Балканах привело к серьезному кризису внутри правящей коалиции и самой СДПГ. Так лидер партии О. Лафонтен осудил политику канцлера и его кабинета, покинув пост министра социальной поли-

тики. Несмотря на это, решение об отправке контингента в Югославию и участие в бомбардировках Сербии в бундестаге практически не дискутировалось.

Следует отметить, что непосредственное участие немцев в несанкционированных Совбезом ООН бомбардировках авиацией НАТО Белграда было невелико. Тем не менее, политическое руководство Германии извлекло уроки из Югославского кризиса и пришло к выводу, что модель разрешения Косовского конфликта не может быть использована для разрешения подобных кризисов.

В конце 90-х новый министр иностранных дел лидер зеленых Й. Фишер формулирует тезис, озвученный ранее Г. Геншером, о необходимости комплексного реформирования ООН, который подразумевал и предоставление Германии постоянного членства в Совбезе. Последняя занимает третье место среди стран-доноров ООН после США и Японии. Для Германии ООН – это одна из важнейших площадок для усиления ее политического влияния. Также ФРГ последовательно добивается пересмотра ряда положений устава ООН, в которых содержатся тезисы о “бывших вражеских государствах” [3, с. 68].

В наследство от Боннской республики новой ФРГ достался и главный стратегический партнер в сфере безопасности – Соединенные Штаты. Отношения с которыми несколько ухудшились в период правления “красно-зеленой коалиции”. Вообще, для внешнеполитической платформы немецких социал-демократов характерен определенный антиамериканизм, что прослеживается как в период нахождения при власти непосредственно СДПГ, так и опосредованно во время функционирования коалиционного правительства, где социал-демократы выступают в качестве младшего партнера, но выдвигают своего представителя на пост министра иностранных дел. Еще в 1999 году между ФРГ и США возникли противоречия вокруг принятия новой доктрины НАТО. Правительство Г. Шредера отказалось поддержать антитеррористическую операцию США в Афганистане и Ираке. Напряженность в двусторонних отношениях достигла такого накала, что в 2002 году речь зашла о передислокации американских военных баз, расположенных на территории Германии, в Польшу [3, с. 208]. Отношения с Соединенными штатами продолжали играть одну из ключевых ролей в формировании внешнеполитических ориентиров “Берлинской республики”, но в отличие от периода Холодной войны, немцы перестали видеть в американцах главного гаранта безопасности в случае активной фазы блокового противостояния. Миновав период “мига однополярности”, немцы стали готовы взять на себя ответственность за обеспечение безопасности в Европе. В этом контексте американцы воспринимаются последними не только как союзники, но и как конкуренты. Американский исследователь И. Валлерстайн считает, что Германия в тандеме с Францией в этот период начала активно “заигрывать” с Россией, чтобы противопоставить американскому влиянию ось Берлин–Париж–Москва [2, с. 87]. Тем не менее, как в конце 90-х, так и сегодня правящие круги ФРГ рассматривают фактор влияния Соединенных штатов в качестве неотъемлемого атрибута архитектуры европейской безопасности. На территории ФРГ сегодня размещена самая крупная по

численности группировка вооруженных сил США в Европе – 72 тыс. человек. Немецкий политолог А. Барингсчитает, что на сегодняшней день альтернативы стратегическому союзу с Соединенными штатами нет, потому что, несмотря на вновь обретенное влияние на политической арене, положение Германии остается довольно шатким и нестабильным [7, s. 53].

Европейский вектор остается приоритетным в формировании внешней политики Германии. ФРГ, будучи экономическим локомотивом ЕС, стремится стать и политическим. Инструментариям для этого должна стать и CFSP – Общая внешняя политика и политика безопасности. Германия последовательно выступала за расширения полномочий еврокомиссии в этой сфере. Что нашло свое отражение в позиции федерального правительства в ходе переговоров о подписании Маастрихтского и Амстердамского договоров. В рамках этой политики Германия активно участвует в операциях, направленных на борьбу с терроризмом, контрабандой, пиратством, организованной преступностью. Ради укрепления экономической интеграции в ЕС, Германия поступилась сильной национальной валютой, поддержав в 2002 году введение евро. Также немцы остаются главным донором европейского бюджета, финансируя четверть его расходов.

Условно очерчивая сферу влияния Германии, можно включить в нее так называемые новые члены ЕС. Несмотря на негативный исторический опыт в отношениях с рядом стран Восточной Европы, в частности с Польшей и Чехией, немцы стремятся занять позиции регионального лидера. Особенно важным шагом для этого стала нормализация отношений с Польшей, произошедшая в середине 90-х годов. Признание Германией границ Польши по Одере–Нейсу сделало возможным тесное экономическое и политическое сотрудничество двух стран. “Объем торговли между Германией и Польшей резко возрос (в 1995 г. Польша заменила Россию в качестве самого крупного торгового партнера Германии на Востоке)”. [Бжезинский] Германия выступила в роли основного проводника для реализации евроатлантических амбиций Польши. По мнению З. Бжезинского, к середине 90-х годов польско-германское сотрудничество стало приобретать значение для Центральной Европы, сравнимое со значением для Западной Европы произошедшего ранее франко-германского урегулирования.

Здесь же, рассматривая отношения со странами Восточного партнерства, можно отметить значительное усиление роли “мягкой силы” в политике Берлинской республики. Не будучи колониальной империей на протяжении длительного времени, Германия стремится распространить свою культурную интервенцию в первую очередь в странах Восточной Европы и на Балканах по средствам сетей образовательных программ. По мнению З. Бжезинского, в основе внешней политики ФРГ нет больше концепция “Миттель–Европы”, после распада Восточного блока немцы стремятся упрочить свое влияние в регионе инвестируя значительные капиталовложения в экономику стран этого региона [1, с. 113]. Опираясь, на свой тандем с Францией немцы могут “не осторожничать” в зоне своих особых интересов.

“На карте Европы зона особых интересов Германии может быть изображена в виде овала, на западе включающего в себя, конечно, Францию, а на востоке охватывающего освобожденные посткоммунистические государства Центральной и Восточной Европы – республики Балтии, Украину и Беларусь, а также частично Россию” [1, с. 113]. Так называемая Балто–Черноморская дуга, очерчивающая сферу интересов Германии на востоке довольно подвижна, что можно объяснить гибкостью и прагматичностью ее внешней политики. Так ради партнерских отношений с Россией немцы готовы поступиться Украиной и Беларусью. Связи Германии со странами, входившими некогда в состав Германской или Австро–Венгерской империй, и подвергшемся значительному влиянию немецкой культуры, гораздо теснее, поэтому включив Центральную и Восточную Европу в зону своих особых интересов, Германия в глазах собственного общества восстанавливает историческую справедливость.

Главным европейским партнером ФРГ, как и в период Холодной войны, остается Франция. В свое время Елисейский договор между Францией и ФРГ ознаменовал качественно новый этап в истории европейского сотрудничества. Однако Франция выступила одним из противников объединения Германии, знаменитое высказывание Ф. Миттерана о том, что французы так любят немцев, что хотят, чтобы у них было целых две Германии. По мнению З. Бжезинского, объединение Германии стало геополитическим поражением в первую очередь для Франции. “Объединенная Германия не только перестала быть младшим политическим партнером Франции, но и автоматически превратилась в бесспорно важнейшую державу в Западной Европе и даже в некотором отношении в мировую державу, особенно через крупные финансовые вклады в поддержку ключевых международных институтов” [1, с. 111]. В 90-е годы наметилась очевидная тенденция неформального разделения сфер влияния между Францией и Германией в Европейском союзе. Так немцы стали главным проводником политики расширения ЕС и НАТО на восток, в то время как французы в противовес стремятся акцентировать внимание на развитии европейского Средиземноморья.

Россия фактически, как и ФРГ, после распада биполярной системы получает новое место в структуре международных отношений. Дезинтеграция СССР позволила Германии занять нишу последнего в восточноевропейском регионе. В то же время немцы благодарны России за вклад советского руководства в процесс объединения Германии. В условиях новой расстановки сил Россия становится важным стратегическим партнером Германии. Последняя, в отличие, от США склонна оставить в сфере влияния РФ страны Восточного партнерства. Безусловно, одним из ключевых факторов двустороннего сотрудничества остается импорт из России углеводородов. Сорок процентов потребляемого Германией газа родом из России. Более того для основной части российского экспорта Германия служит своеобразными “воротами в Европу”. Прикрывая экономический прагматизм своей внешней политики, немцы используют свою излюбленную риторику о роли морали в международных отношениях. В немецком обществе бытует мнение о том, что Россия понесла наибольшие

потери вследствие немецкой агрессии в период второй мировой войны. Наибольший расцвет российско-немецкая дружба после завершения Холодной войны переживала в период канцлерства Г. Шредера, который в одном из своих публичных выступлений отметил, что относит отношения с Россией к приоритетным для Германии, что “без России не может быть общеевропейской стабильности” [3, с. 2015]. В этот период было принято решение о строительстве обходного газопровода Нордстрим, что вызвало неоднозначную реакцию внутри немецкого общества. Более того сам Г. Шредер получил прозвище “адвоката Кремля”, которое впоследствии закрепилось в Европе и за самой Германией.

Делая выводы, можно отметить, что после завершения Холодной войны и трансформации биполярной системы Германия заняла новое место на международной арене, что не могло не отразиться на изменении ее внешнеполитического курса. Объявив о преемственности дипломатических традиций периода Боннской республики, объединенная Германия сохранила ряд констант в своей внешней политике. Среди них можно назвать курс на усиление европейской интеграции в тандеме со своим региональным союзником номер один Францией, стратегическое партнерство с США в сфере безопасности, последовательное продвижение идей демократии и защиты прав человека в программных документах в сфере внешней политики и обороны. Принципиально новым фактором во внешней политике ФРГ после падения Берлинской стены стало использование бундесвера за пределами территории страны. В период второго Югославского кризиса немецкие войска использовались не просто за пределами Германии, но и на территории страны, которая в свое время пострадала от гитлеровской агрессии. Для немецкой внешней политики это событие носило поистине революционный характер, фактически убрав с повестки дня доктрину Искупления, и, поставив Германию в один ряд с ведущими державами Европы, такими как Франция и Великобритания. В виду изменившейся расстановки сил на международной арене немецкое руководство переводит отношения с Россией на качественно новый уровень стратегического сотрудничества, видя в последней противовес влиянию США в Европе. Объединенная Германия возвращает в свой внешнеполитический вокабуляр понятия национальных интересов и сфер влияния, очерчивая свои сферы влияния в Восточной Европе и на Балканах. В связи с этим принципиальным для Германии стало преодоление негативного исторического опыта в отношениях с Польшей и Чехией. В реалиях постбиполярной системы ФРГ смогла выстроить четкую и прагматичную внешнеполитическую доктрину, которая позволяет ей сохранять преемственность в ряде ключевых направлений, одновременно выстраивать принципиально новую жесткую политику сильного игрока, как в Европейском регионе, так и за его пределами.

Список использованных источников

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М. : Международные отношения, 1998. – 256 с.
2. Валлерстайн И. Кривая американского могущества / И. Валлерстайн // Прогнозис. – 2006. – № 3. – С. 9–24.
3. Павлов Н. Внешняя политика Берлинской республики: новый “германский путь”? / Н. Павлов // Мировая экономика и меж-

дународные отношения. – 2005. – № 2. – С. 63–75.

4. Павлов Н. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире / Павлов Н. – М. : Наука, 2005. – 409 с.

5. Погорельская С. Внутривнутриполитические аспекты новой германской внешней политики / С. Погорельская // МЭМО. – 2001. – № 7. – С. 91–100.

6. Погорельская С. Некоторые аспекты европейской политики объединенной Германии / С. Погорельская // МЭМО. – 2000. – № 1. – С. 89–95.

7. Baring A. Einsame Mittelmacht. Ohne die USA gibt es keine Zukunft für Deutschland / Baring A. // Internationale Politik. – 2003. – № 6. – С. 51–56.

8. Haftendorn H. Deutsche Außenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehauptung / H. Haftendorn – Stuttgart. – München : Deutsche Verlagsanstalt, 2001. – 350 s.

9. Hellmann G. Der “deutsche Weg”. Eine außenpolitische Gratwanderung / Hellman G. // Internationale Politik. – 2002. – № 8. – С. 1–8.

References

1. Brzezinski Z. Velikaja shachmatnaja doska: hospodstvo Amerikiho geostrategicheskie imperativi / Z. Brzezinski. – M. : Mezhdunarodnieotnosheniya, 1998. – 256 s.

2. Wallerstein I. Krivaja amerikanskogo mogushstva / I. Wallerstein // Prognosis. – 2006. – № 3. – С. 9–24.

3. Pavlov N. Vneshnjaja politika Berlinskoi respubliki: novii “germanskiiput”? / N. Pavlov // Mirovaja ekonomika i mejdnarjdnii otnosheniya. – 2005. – № 2. – С. 63–75.

4. Pavlov N. Vneshnjaja politika FRG v postbipolarnom mire / Pavlov N. – M. : Nauka, 2005. – 409 s.

5. Pogorelskaja S. Vnutripoliticheskie aspektu novoi germanskoj vneshnei politiki / S. Pogorelskaja // MEMO. – 2001. – № 7. – С. 91–100.

6. Pogorelskaja S. Nekotorii aspektu evropejskoj politiki objedinennoi Germanii / S. Pogorelskaja // MEMO. – 2000. – № 1. – С. 89–95.

7. Baring A. Einsame Mittelmacht. Ohne die USA gibt es keine Zukunft für Deutschland / Baring A. // Internationale Politik. – 2003. – № 6. – С. 51–56.

8. Haftendorn H. Deutsche Außenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehauptung / H. Haftendorn – Stuttgart. – München : Deutsche Verlagsanstalt, 2001. – 350 s.

9. Hellmann G. Der “deutsche Weg”. Eine außenpolitische Gratwanderung / Hellman G. // Internationale Politik. – 2002. – № 8. – С. 1–8.

Makohon D. I., postgraduate student, Sevastopol National Technical University (Ukraine, Sevastopol), dariakost@yandex.ru

Transformation of the German foreign policy after the Cold War

In this article the author examines the problem of the evolution of the German foreign policy in the post-bipolar period. The main goal of this article is to fully consider the changes in the main vectors of the German foreign policy after its unification. In the course of writing of this paper the author used the following methods: comparative, aimed at identifying of major changes occurred in the foreign policy of the country in comparison with the period of the Bonn Republic, the method of system analysis – to identify the role of the united Germany in shaping of the architecture of the post-bipolar space, the historical method to make it possible to trace the evolution of the foreign policy of the 90s and early 2000s, the geopolitical approach, showing the transformation of the German doctrine of “Mittel Europa” in the modern period. After analyzing the major changes of the foreign policy of Germany, the author came to the conclusion that the united Germany had become a fundamentally new actor on the international stage, the appearance of which had changed the balance of power, both in Europe and beyond. Having overcome guilt complexes, the Germans felt their new role in the international system as a guarantor of security and stability in Europe.

Keywords: post-Cold War system, foreign policy doctrine, the Cold War, the Bonn Republic, the Berlin Republic, the balance of power, national interests, spheres of influence.

Макогон Д. І., аспірантка, Севастопольський національний технічний університет (Україна, Севастополь), dariakost@yandex.ru

Трансформація зовнішньої політики ФРН після завершення Холодної війни

Розглядається проблема еволюції зовнішньої політики ФРН в постбиполярному світі. Основна мета публікації дослідити комплексні зміни, що торкнулися основних векторів зовнішньої політики Німеччини після її об'єднання. В ході написання даної роботи автором були використані наступні методи: компаративний для виявлення основних змін, що відбулися у зовнішньополітичному курсі країни в порівнянні з періодом Боннської республіки, метод системного аналізу для визначення ролі об'єднаної Німеччини

у формуванні архітектури постбіполярного світу, історичний метод, що дозволив простежити еволюцію зовнішньої політики в 90-ті та на початку 2000-х рр., а також геополітичний підхід, що показав трансформацію німецької доктрини "Мітель Європа" в сучасному періоді. Проаналізувавши основні зміни зовнішньої політики ФРН, автор дійшов висновків, що об'єднана Німеччина стала принципово новим актором на міжнародній арені, поява якого змінила баланс сил в Європі, так і за її межами. Подолавши комплекси провини, німці відчували нову роль у системі міжнародних відносин в якості гарантії безпеки і стабільності в Європі.

Ключові слова: постбіполярна система, зовнішньополітична доктрина, Холодна війна, Боннська республіка, Берлінська республіка, баланс сил, національні інтереси, сфери впливу.

* * *

УДК 327.8:339.56

Плевако І. Г.

кандидат історичних наук, доцент, доцент
кафедри міжнародних відносин,
Національний університет "Острозька академія"
(Україна, Острог), ihor.plevako@oa.edu.ua

ЕКОНОМІЧНА СКЛАДОВА ГЕОПОЛІТИЧНОГО ПОЗИЦІОНУВАННЯ БРАЗИЛІЇ У КРАЇНАХ ПІВДЕННОЇ ТА СХІДНОЇ АЗІЇ

Автор розвідки розглядає торгово-економічну динаміку Бразилії та країн Південної та Східної Азії з метою виявлення можливостей активнішого геополітичного позиціонування Бразилії на міжрегіональному рівні.

Дослідження побудовано на використанні політико-описового, статистичного, а також аналітико-прогностичного методів. Послужили розкриттю теми й формальні методи спостереження та порівняння, які дозволили оцінити рівень геополітичної присутності Бразилії у країнах Південної та Східної Азії крізь призму експортно-імпорних білатеральних взаємин.

Автор доводить, що найбільш вірогідним геополітичним прогнозом є те, що у короткостроковій перспективі у п'ятірці першочергових торгово-економічних партнерів Бразилії будуть три азієцькі країни – Китай, Індія та Південна Корея. Інші азієцькі країни, не лише високорозвинені, а й ті, що активно розвиваються, також зміцнять свої позиції у двадцятці країн-партнерів Бразилії.

Ключові слова: геополітика, Латинська Америка, Бразилія, країни Південної та Східної Азії, міжрегіональні політичні та торгівельно-економічні відносини.

Взаємодія Бразилії з азієцькими державами характеризується зростаючою інтенсивністю, що зумовлено значним потенціалом Бразилії у ресурсно-економічному та політичному відношенні, а також посиленням економічної потужності країн АТР. Цей напрям зовнішньої політики Бразилії до 70-х рр. XX ст., за винятком відносин з Японією та Китаєм, був поза увагою бразильської дипломатії. Проте, наприкінці XX ст. у Бразилії окреслилися чіткі тенденції відходу від беззаперечної підтримки позиції США на міжнародній арені, що зумовило спроби якнайбільш диверсифікувати свої зовнішні зв'язки. Гіпотеза дослідження полягає у тому, що активна торгово-економічна політика Бразилії щодо країн Південної та Східної Азії спрямована не лише на підтримку взаємовигідних імпортно-експортних відносин, а й на введення ключових азієцьких акторів у зовнішньополітичну орбіту Бразилії з метою забезпечення у майбутньому підтримки ініціатив Бразилії не лише на регіональному, а й на глобальному рівнях.

Наприкінці XX ст. країни Південної та Східної Азії відзначилися динамічним економічним зростанням, і Бразилія з початком президентури Лули да Сілви у 2002 р. окреслила азієцький напрям в якості одного з пріоритетів своїх нових геополітичних інтересів. Важливо, що у 2011 р. Бразилія посіла 22-е місце у світі за обсягами експорту (256 млрд. дол. США), і 21 місце – за

обсягами імпорту (226,2 млрд.) [1], причому у десятці ключових бразильських партнерів опинилися Китай, Республіка Корея, Японія та Індія. Саме за цими державами Бразилія закріпила статус стратегічних партнерів. На азієцький напрям почало припадати не менше 15% бразильського експорту та 25% імпорту (2006 р.) [16, s. 212], майже по 24,5% – як імпорту так і експорту (у 2011 и 2012 рр.), а згодом (у 2013 р.) в умовах зниження експорту до 23,5% відбулося підвищення імпорту до 27%. У цей момент зовнішньоекономічна активність Бразилії в Азії залишила позаду США і країни ЄС. Таким чином, з початком XXI століття розпочався розквіт, у першу чергу, торгово-економічних стосунків Бразилії з країнами Південної та Східної Азії.

Джерельною базою для цієї розвідки стали зарубіжні аналітичні та статистичні матеріали, що свідчать про торговельно-економічну активність досліджуваних країн. Грунтовний матеріал з передісторією бразильської заангажованості в Азії запропонували польські дослідниці Е. Новоцька і А. Гживач. Специфіку торговельно-економічної динаміки вивчали аргентинські дослідниці Р. Барбері і Н. Педрозо. Бразильські вчені А. Ухара і Г. Цароньєс аналізували місце Бразилії і країн Східної Азії у світовій політиці. Важливою аналітичною роботою стала розвідка А. Барбоси і Р. Мендес, присвячена бразильсько-китайським відносинам. У контексті порівняльної характеристики країн БРИКС й виділяється ґрунтовна стаття російського латиноамериканіста П. Яковлева. Разом з тим, низка авторів, що цитуються у цьому дослідженні, не дають повної динаміки відносин Бразилії з окремими країнами Азії у XXI ст., обмежуючись географічними, предметними, або ж хронологічними рамками.

Тому, метою цієї розвідки є виявити закономірності торгово-економічної динаміки Бразилії та країн Південної та Східної Азії та віднайти докази нарощування тісних партнерських зв'язків між акторами з метою активнішого геополітичного позиціонування Бразилії на міжрегіональному рівні сучасної системи міжнародних відносин.

Бразилія – Китай. Після візиту у листопаді 1993 р. китайського лідера Дзянь Дземіня до Бразилії і у грудні 1995 р. тодішнього бразильського президента Фернандо Енріке Кардозо – до Китаю, окреслились можливості для двостороннього співробітництва країн. У відповідь на черговий візит (у квітні 2001 р.) Дзень Дземіня у травні 2004 р. до Китаю прибув президент Лула да Сілва з великою делегацією, що складалася з 7 міністрів і 400 бізнесменів. Було підписано спільне комюніке, у якому встановлено чіткі умови економічної співпраці між країнами. У листопаді цього ж року Ху Дзінтао здійснив свій візит до Бразилії, в результаті якого було встановлено довготермінове стратегічне білатеральне партнерство, що послужило відчутному поліпшенню співробітництва. Для прикладу, у 1990 р. Бразилія скеровувала до Китаю лише 1,2% свого експорту, у 2006 – 6,11%. У тому ж 2006 р. Китай посів четверту сходинку як торговельний партнер Бразилії [16, s. 209]. У 2010 р. Китай став лідером в бразильському експорті, а у 2012 р. – й в імпорті до Бразилії [1]. Основою всієї конструкції бразильсько-китайських двосторонніх відносин є торговельно-економічне співробітництво, яке в